

УДК 930.1

Н.А. Качин

В.Н. ТАТИЩЕВ – ПРООБРАЗ ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА

Исследование выполнено в рамках проекта «Человек в меняющемся мире.

Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

Историки разных научных школ и направлений часто задаются одним вопросом: кем же был Татищев, первым профессиональным историком или последним летописцем, трудолюбивым дилетантом, а может быть, даже коварным мистификатором? В статье рассматриваются оценки В.Н. Татищева как к историка-исследователя XVIII в. и автора труда «История Российская», существующие в российской историографии.

Ключевые слова: В.Н. Татищев; историческая наука XVIII в.; ремесло историка; русская историография.

Важным этапом в переходе от летописания к историческому исследованию является последняя четверть XVII в. Именно тогда в России появились первые исторические труды, основанные на критике источников, и наметился отход от провиденциализма к рациональному изучению причинно-следственных связей в рамках авторской концепции мировой истории. Можно отметить следующие исторические труды: Сильвестра Медведева «Созерцание краткое», «Известие истинное»; Игнатия Римского-Корсакова «Генеалогия»; Семена Ремезова «История Сибирская». Тем самым был создан фундамент отечественной исторической науки, которая уже в XVIII в. достигла крупных успехов в своем развитии.

Рост национального самосознания стал причиной создания в Европе новых светских историй. В них повествование о прошлом народа входило в общую картину истории человечества, а единые принципы, применяемые к описанию прошлого, соотносились с уникальными чертами отдельных цивилизаций и культур. В России во времена великих петровских преобразований были сделаны первые попытки написания светской национальной истории. Особую роль в становлении основ историографии Просвещения в России сыграл Василий Никитич Татищев – государственный деятель, ученый-эрудит XVIII в. Историки разных научных школ и направлений часто задаются вопросом: кем же был Татищев, первым профессиональным историком, последним летописцем, трудолюбивым дилетантом или коварным мистификатором?

Цель данного исследования – выявить специфику отношения в российской историографии к В.Н. Татищеву как к историк-исследователю XVIII в. и автору труда «История Российская».

«История Российская» – главный труд В.Н. Татищева, над которым он работал около тридцати лет. «История» была впервые опубликована уже после его смерти, в 60–80 гг. XVIII в., под названием «История Российская с самых древнейших времен... собранная и описанная... Васильем Никитичем Татищевым». Этот фундаментальный труд произвел глубокое впечатление на современников своим объемом, количеством привлеченных ис-

точников и критическим подходом к ним. «История» стала в XVIII в. крупным собранием русских летописей, упорядоченным и удобным в использовании. Даже сама Екатерина II после знакомства с текстом стала считать Татищева образцом историка [1. С. 37], противопоставляя его изыскания трудам М.В. Ломоносова и М.М. Щербатова: «История Татищева – совсем другое дело: это был ум человека государственного, ученого и знающего свое дело» [2. С. 199].

Работа Татищева еще не была до конца завершена, но вокруг нее уже стали звучать различные оценки и мнения, сам историк писал: «Принужден был от разных разные рассуждения слышать; иному то, другому другое не по нраву было, что один хотел, чтобы пространнее и яснее написано было, то самое другой советовал сократить или совсем убрать» [3. С. 16]. Одни критики Татищева «ограничились констатацией частных недостатков в его сочинении», – усматривал С.В. Рыбаков, другие же «ставили вопрос о возможности признать в нем историка, способного профессионально решать исследовательские задачи» [4. С. 161].

Конец XVIII в. ознаменовался ожесточенной полемикой двух историков – М.М. Щербатова и И.Н. Болтина – и, соответственно, началом не прекратившегося до сих пор спора о значении исторического труда Татищева и достоверности так называемых «татищевских известий». Под «татищевскими известиями» в историографии понимаются сообщения «Истории Российской» о Руси и сопредельных землях, не находящие подтверждения в других известных на сегодня нарративных и документальных источниках. Если Болтин защищал «Историю» Татищева, то Щербатов, напротив, критиковал ее и даже ставил под сомнение ученые заслуги Татищева как историка. В духе XVIII в. генерал-майор Иван Никитич Болтин отдавал свои предпочтения французским философам-просветителям (П. Бейль, Ш. Монтескье, Г. Мабли, Г. Рейналь, Ж.-Ж. Руссо), с чьими трудами он подробно ознакомился во время работы с «Историей» Н. Леклерка. По мнению В.О. Ключевского, особую роль в формировании умонастроений и методов исторических исследований Болтина сыграл знаменитый просветитель Вольтер [5].

«История Российская» для Болтина стала первым историческим трудом, который оказался основой его исторического образования. Болтин, часто ссылавшийся в своих трудах на работу Татищева, объяснял это тем, что «доверенность моя к нему [Татищеву] основывается на том, первое что я не заметил в его истории ничего ни легковверного ни сумнительного, а все с ружсуждением, с точностию и с доводами писанное; второе что все то, что он писал, находил я согласным и с нашими летописями, и с обстоятельствами времен и происшествий» [6. С. 62]. Далее историк предполагает, что «сильные причины» побуждают его прочесть «сказание» Татищева «...либо не заметил я нигде, что б он [Татищев] хотя малое что-либо прибавил от себя к повествованию летописей, но все то, что обретал, или недостаточное или сумнительное, то пополнял и объяснял в своих примечаниях» [8. С. 326]. Но находил Болтин в «Истории» и «несомненные догадки» Татищева, оправдывая их тем, что они подтверждаются обстоятельствами «тогдашних времен и здравым разсудком» [6. С. 20].

Князь Михаил Михайлович Щербатов, автор семитомной «Истории Российской от древнейших времен», настороженно относился к петровским преобразованиям, полагая, что они вызывали упадок прежних естественных добродетелей и разложение патриархальных связей в российском обществе. Щербатов во многом руководствовался в своих исторических сочинениях идеями более раннего поколения европейских философов и историков, таких как Ф. Салиньяк, аббат Дефонтен, С. Пуффендорф, Лярош, Малле дю Пан и др. [7. С. 35–36]. Будучи придворным историографом Щербатов мог спокойно заниматься своими историческими исследованиями, имея доступ ко всем материалам государственных архивов, в том числе он был «высочайше уполномочен» разобрать архив Петра I.

Щербатов в своей критике Болтина, который, по его словам, «слепо без рассмотрения» опирается на авторитет Татищева, поставил серьезную исследовательскую задачу – последовательно разрушить историографическую опору Болтина на «Историю» Татищева. Касаясь источников, которыми пользовался Татищев, Щербатов отмечал: «Господин Татищев, весьма мало в течение своей Истории делает точных ссылок на летописца» и много ссылается Татищев на летописи, находящиеся в «руках частных людей», т.е. для других исследователей недоступные [9. С. 159]. Отсюда Щербатов делает свой вывод, что Татищев нарушил «должность историка», что так «сее было бы писать роман, а не историю» [10. С. 30]. Болтин и Щербатов в своем публичном споре об исторической науке, сами того не подозревая, оказались родоначальниками тех двух течений («скептиков» и «защитников» труда Татищева), которые на долгие годы определили содержание спора о значении «Татищевской истории» для историографии.

Одним из первых читателей «Истории» был, как сам он себя называл, «любитель занятий» древнерус-

ской истории, поклонник Монтестье и Вольтера – Людвиг Август Шлецер. Ученый прошел одну из лучших по тем временам геттингенскую филологическую школу, обучение в которой определило его прогрессивно-просветительские взгляды на историю разных народов. В 1726 г., открыв для себя татищевскую «Историю», Шлецер стал пристально ее изучать и впоследствии, как и Г.-Ф. Миллер, стал сторонником скорейшей ее публикации. Исследователь обращал внимание на то, что Татищев, хотя и не получил должного для ученого образования и в целом даже «не был воспитан для занятий историей», все же оказался «первым удовлетворительным, но гонимым историком своего отечества»; в нем, писал Шлецер, «уже веял исторический дух»: так, Татищев с «истинной критической добросовестностью» относился к «темным» местам летописного текста, сохраняя их и объясняя в примечаниях, «как мог» [11. С. 475]. Немецкий профессор полагал, что Татищеву не доставало в его научных изысканиях знаний истории соседних народов и «настоящего» научного метода критики источников, далее он усматривает, что «нельзя сказать, чтобы его труд был бесполезен (выключая I части о Скифах и Сарматах и пр.), хотя он и совершенно был неучен, не знал ни слова по Латыни и даже не разумел ни одного из новейших языков, включая немецкаго» [12. С. 143].

Такое критическое отношение к Татищеву у Шлецера совпадало с общей оценкой российской исторической науки второй половины XVIII в.: «Но что это были за люди, в Академии и вне ее, которые принимали на себя вид, что они были тем, чем я хотел сделаться – исследователями русской истории! Об иностранной истории они ничего не знали, об исторической критике, исторических вспомогательных науках еще менее; древних языков они не понимали, даже и новейших; византийцев и монголов даже имен не слышали и т.д.» [13. С. 188]. К исследователю древнерусской истории Шлецер предъявлял высокие профессиональные требования: знание языков и истории древних европейских и восточных народов (шведов, греков, византийцев, славян, татар и др.), а также знание церковной истории и т.д. В России, по мнению Шлецера, он знал только двух крупных исследователей, которые в большей степени отвечали этим профессиональным требованиям и заслуживали внимания, – Татищева и Г.З. Байера. Сопоставив татищевский труд с уровнем развития исторической науки в России во второй половине XVIII – начале XIX в., Шлецер сделал вполне четкий вывод: несмотря на то что Татищев не получил должного образования, не знал ни слова по латыни, однако же его труд остается навсегда «полезной» работой.

Самым первым и самым влиятельным критиком «Истории Российской» был Николай Михайлович Карамзин, основатель лагеря «скептиков» – исследователей разных исторических школ и направлений, убежденных в том, что никаких не дошедших и уникальных источников Татищев не имел, а следовательно, нет ни-

каких «татищевских известий», это просто миф историков, из которого многие из них черпали свое научное вдохновение и расширяли доказательную базу своих исследований; а сам же историк в своем труде, работая с источниками, многое «додумывал» и сочинял, «украшал», «переиначивал», допускал грубые ошибки, основываясь на так называемых «вероятиях». Скептическое направление в своих исследованиях поддерживали и развивали в разное время Е.Е. Голубинский, А.А. Шахматов, С.Н. Валк, С.Л. Пештич, Я.С. Лурье, Е.М. Добрушкин, А.Л. Монгайт, А.П. Толочко.

В «Пантеоне российских авторов» Карамзин посвятил Татищеву почетный очерк как «ревностному любителю» отечественной истории и «трудолюбивому мужу... по деятельности ума своего и страстной охоте к историческим наукам», он обнаруживает, что Татищев «вместо истории оставил нам только материалы ее и прибавил к летописям свои замечания» [14. С. 14]. В этом же очерке Карамзин изложил свое представление о взаимоотношении историка и его читателя: «историк должен все обделать в голове своей; ему труд, а нам плоды трудов его. Мы охотно идем за ним во мрак давно прошедших веков, если факел светит перед нами ясно» [14. С. 14]. Татищев, наоборот, как историк, по мысли критика, весь в «догадках», в которых читатели не всегда находят «вероятность», а в соображениях «ту ясную простоту», которую они любят. Во многом критические замечания относительно неправильного прочтения Татищевым летописных текстов связаны с тем, что Карамзин, имевший доступ к центральным архивам России, работал непосредственно с подлинниками рукописей и был уверен, что все летописи восходят к какому-то единому тексту. Поскольку татищевский текст не соответствовал этому представлению, Карамзин склонен был обвинять Татищева в «украшательстве» и «дополнениях летописных данных». Но почему же Карамзин так скептически отнесся к труду своего предшественника? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Например, историки С.М. Соловьев и П.Н. Милуков полагают, что на исторические работы Карамзина значительное влияние оказало научное наследие М.М. Щербатова: «...есть все основания думать, что Щербатов был для Карамзина таким же основным источником сведений по русской истории, каким был для Болтина... Татищев» [15. С. 159–160]. Можно предположить, что Карамзин находился под научным влиянием обличительной критики Щербатова в адрес Татищева и благополучно продолжал ее развивать в своих критических замечаниях. По мнению К.Н. Бестужева-Рюмина, именно под влиянием трудов Карамзина, обвинившего Татищева в непрофессионализме и «выдумках» и даже в мистификации целых сочинений, значение «Истории Российской» в научном мире заметно падает [16. С. 162–163].

К «защитникам» Татищева в разное время принадлежали: П. Бутков, М.П. Погодин, К.Н. Бестужев-Рюмин, Д.А. Корсаков, И.П. Сенигов, Б.Д. Греков,

М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, В.И. Корецкий, А.Г. Кузьмин, А.В. Журавель. Одним из первых защитников научного наследия Татищева стал выдающийся историк дореволюционной России – Сергей Михайлович Соловьев, он оказался, по мысли А.П. Толочко, «энтузиастом Татищева, по существу легитимизировав его в критической историографии» [17. С. 10]. С.М. Соловьев не раз обращался к «татищевским известиям», доверяя им, использовал «известия» в своем многотомном сочинении «История России с древнейших времен». Аргументировал свое доверие Соловьев тем, что «он [Татищев] первый начал обработку Русской истории, как следовало начать, первым дал понятие о том, как приняться за дело, первым показал, что такое Русская История, какие существуют средства для ее изучения; Татищев собрал материалы и оставил их неприкосновенными, не исказил их своим крайним разумением, но предложил это свое крайнее разумение поодаль, в примечаниях, не тронув текста» [18. С. 21]. Историк ставит перед русской историографией важные вопросы: «...видя такую добросовестность, имеем ли право обвинять его в искажениях, подлогах и т.п.?»; «как в его [Татищева] трудах отражается век с своими понятиями и состояние тогдашнего общества?» и др. Соловьев пытался первым из исследователей увидеть в «Истории» не только летописные своды и домонгольскую историю Руси, но и следы той эпохи, в которой жил и «творил» сам ученый, целью Татищева «не было написание прагматической Русской истории: он хотел только собрать материалы и разобраться в них» [18. С. 17].

В 2005 г. в свет вышла книга киевского историка Алексея Петровича Толочко. Категоричные выводы Толочко породили новые дискуссии и споры вокруг татищевской «Истории». Толочко в своем исследовании стал последовательно развивать идеи своего предшественника С.Л. Пештича, утверждая, что все источники Татищева уже были идентифицированы и он не располагал текстами, не известными его современникам, а многие факты, не находящие подтверждения в известных летописях по истории Руси, являются выдумкой самого Татищева. Киевский исследователь обращает внимание на то, что стремление Татищева искать «причину дел», объяснить один факт другим связано именно с тем, что его сознание или «картина мира» были рациональными, а не провиденциальными. Толочко подчеркивает, что Татищев нельзя считать «архаичным летописцем», как думали многие историки, а наоборот: это был «вдумчивый, тонкий, проницательный историк» и в то же время выдающийся «мистификатор». «Одурочивая легковверных» и предвосхищая будущие источниковедческие проблемы исторической дисциплины, он просто поступал, как все «модерные», «профессиональные историки», которые «воскрешают мир прошлого из небытия», чувствуя себя «демиургами, творцами» своего времени [17. С. 519–523].

Критикуя Татищева, его оппоненты не всегда понимали или не хотели понимать уровень развития исторической науки в России первой половины XVIII в., те

реальные исторические условия, в которых Татищев работал, с какими трудностями он столкнулся при работе с источниками и как он их преодолевал. Перед Татищевым не были открыты центральные архивы России, рукописи, которые он имел, были преимущественно добыты, можно сказать, случайными путями в частных хранилищах, от друзей и знакомых. Татищев, будучи занятым человеком по роду своей служебной деятельности, не часто бывал в Петербурге и Москве, соответственно, он не имел должной возможности в полной мере пользоваться в своей работе подлинниками летописей и сверять их с изготовленными для него копиями. Из личных писем Татищева известны его жалобы на недобросовестность работы его копиистов, которые допускали неточности и описки. Тем не менее, находясь даже вдали от столицы, Татищев постоянно поддерживал связь с Академией наук и живо интересовался всеми новыми научными трудами, которые выходили в свет.

Безусловно, сейчас с развитием исторической науки становится понятным, что где-то первый русский историк ошибался в атрибуции источников, которыми он располагал. Конечно, можно критиковать Татищева за неверное толкование терминов, слов или событий, понимая при этом, что если Н.М. Карамзин пользовался всеми результатами развития исторической и филологической науки начала XIX в., то Татищев не имел в своем распоряжении даже вспомогательных пособий и словарей, которые оказали бы ему посильную помощь в его кропотливой работе. Однако Татищева нельзя назвать сознательным «мистификатором». П.С. Стефанович справедливо подмечает: «Его интерпретации, встроенные в текст источника, не осознавались им как “авторские”. Понятия об авторстве, источнике и под-

делке выкристаллизовались позже, когда были выработаны инструментарий истории как научной дисциплины и профессиональная этика» [19. С. 95]. Можно согласиться и с А.Г. Кузьминым, который оценивал научный вклад автора «Истории» следующим образом: «Татищев начинал. Он строил величественное здание российской истории, не имея предшественников... был родоначальником практически всех вспомогательных исторических дисциплин, которые по-настоящему стали разрабатываться лишь со второй половины XIX в. ... весь первый том его труда был посвящен анализу источников и всякого рода вспомогательным разысканиям... в XIX в. вообще не было работы, равной татищевской в этом отношении» [20. С. 348].

«История Российская...» оценивается исследователями XVIII–XXI вв. по-разному, но все же практически все они отмечают особую значимость труда для российской историографии и масштабность работы самого Татищева как историка. Сам Татищев является безусловным историком в понимании своего времени, который критически отобрал и систематизировал огромное количество разнообразных письменных источников (летописи, жития, дипломатические бумаги, древнерусские сказания и др.). Везде, где бывал Татищев, он неустанно разыскивал и собирал свои «припасы», «свидетельства», «предания», «манускрипты», «документы», «записи», «повести», «основания» для своей пятитомной «Истории» [21]. Этот труд «начинателя» русской истории надо рассматривать, с одной стороны, как результат общественно-политических взглядов ее автора, с другой – как «воплощение» представлений о методах и задачах исторического исследования, присущих историку Петровской эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астраханский В.С. «Записки» Екатерины II и «История Российская» В.Н. Татищева // «История Российская» В.Н. Татищева: опыт технологических, историографических и библиографических изысканий. М., 1993. 187 с.
2. Валк С.Н. В.Н. Татищев и начало новой русской исторической литературы // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. М.; Л.: Наука, 1966.
3. Татищев В.Н. История Российская: в 3 т. М.: АСТ, 2003. Т. I. 576 с.
4. Рыбаков С.В. В.Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. 2007. № 4. С. 161–167.
5. Ключевский В.О. И.Н. Болтин // Сочинения: в 8 т. М.: Гос. изд-во полит. л-ры, 1959. Т. VIII. С. 133–163.
6. Болтин И.Н. Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789.
7. Шанский Д.Н. Что должно историку: Михаил Михайлович Щербатов и Иван Никитич Болтин // Российские историки XVIII–XIX веков: в 2 ч. / сост. А.Н. Котляров, Г.В. Можаяева. Томск, 2000. Ч. 1. С. 52–72.
8. Болтин И.Н. Критические примечания генерал-майора Болдина на второй том Истории князя Щербатова. СПб., 1794.
9. Щербатов М.М. Примечание на ответ господина генерал-майора Болтина на письмо Щербатова. М., 1792.
10. Щербатов М.М. Письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории, к одному его приятелю в оправдание на некоторые сокрытия и явные охуления, učinенные его Истории от господина генерал-майора Болтина, творца примечаний на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. М., 1789.
11. Валк С.Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб.: Наука, 2000. 261 с.
12. Шлецер А. Нестор. Русские летописи на древнеславянском языке / пер. с нем. Д. Языкова. СПб., 1809. Ч. I.
13. Шлецер А. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная. Пребывание и служба в России от 1761 до 1765 г. Известия о тогдашней русской литературе / пер. с нем. В. Кеневича // Сборник Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук (ОРЯС). СПб., 1875. Т. 13.
14. Карамзин Н.М. Пантеон российских авторов. М., 1801.
15. Милюков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898. Т. 1.
16. Бестужев-Рюмин К.Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882.
17. Толочко А.П. «История Российская» Василия Татищева: источники и известия. Киев, 2005. 544 с.
18. Соловьев С.М. Писатели Русской Истории XVIII века // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М., 1885.
19. Стефанович П.С. «История Российская» В.Н. Татищева: споры продолжаются // Российская история. 2007. № 3. С. 88–96.
20. Кузьмин А.Г. Татищев. М.: Молодая гвардия, 1987. 386 с.
21. Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. «Припасы», из которых «почерпать должно известия»: понятие «исторический источник» в трудах историков XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. История России. 2011. № 3. С. 127–140.

Kachin Nikolay A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: Kachinnikolay@rambler.ru

V.N. TATISHCHEV – THE PROTOTYPE OF THE FIRST RUSSIAN HISTORIAN.

Key words: V.N. Tatishchev; history of XVIII century; historian craft; Russian historiography.

Last quarter of XVII century is an important stage in transit from chronicle writing to historical research, just then the foundation of Russian historical science was laid and it made great advancement in its development already in XVIII century. Tatishchev played his role in establishment of Enlightenment historiography foundation in Russia. Historians often wonder who Tatishchev was – the first professional historian or the last chronicler, an industrious amateur and maybe even a mystifier? Tatishchev's magnum opus – “Russian history” had not been completed till the end when it became the object of conflicting opinions and accounts. The end of XVIII century was marked by the dispute of two historians – M.M. Shcherbatov and I.N. Boltin. They became pioneers of two trends (“skeptics” and “advocates” of Tatishchev's work) that determined the content of dispute on the value of “History” for the years to come. A.-L. Schlözer believed that although Tatishchev did not have proper education he is a “father of Russian history”, and his work is a “useful” one. N.M. Karamzin continued to develop the ideas of “skeptics”. The value of “History” in scientific world fell down remarkably under the influence of Karamzin's works authority. S.M. Solovyov legitimized the value of “History” as a unique source of Russian history study. In 2005 a book by A.P. Tolochko appeared, his judgmental conclusions generated new discussions and disputes around Tatishchev. Tolochko believed that Tatishchev was a prominent mystifier of his time who “fooled credulous” readers. Criticizing Tatishchev his opponents not always understood the level of historical science development in Russia of the first half of XVIII century, the peculiarities of work with resources. Tatishchev did not have access to Russian central archives, the manuscripts he had were found mainly in private archives, from friends and acquaintances. Now with the development of historical science it becomes clear that sometimes the first Russian historian was wrong in attribution of resources that he had. One can criticize Tatishchev for misinterpretation of terms, words or events understanding at the same time that he did not have even supporting aids and dictionaries that could provide incredible assistance in his work. But Tatishchev was not a “mystifier” because such notions as “authorship”, “resource” were not established in the historical science of XVIII century. Tatishchev is a historian-researcher in a sense of his time who critically selected and systematized a plethora of various written sources. Wherever Tatishchev went he searched for and gathered his unique “manuscripts” and “letters” for his 5 volume “History”. This work by a “pioneer” of Russian history should be considered as a result of political and public views of its author from the one hand, and as the “embodiment” of perceptions about methods and historical investigation objectives inherent to a historian of Petrine epoch on the other hand.

REFERENCES

1. *Astrakhanskiy V.S.* «Zapiski» Ekateriny II i «Istoriya Rossiyskaya» V.N. Tatishcheva // «Istoriya Rossiyskaya» V.N. Tatishcheva: opyt tekhnologicheskikh, istoriograficheskikh i bibliograficheskikh izyskaniy. M., 1993. 187 s.
2. *Valk S.N.* V.N. Tatishchev i nachalo novoy russkoy istoricheskoy literatury // Rol' i znachenie literatury XVIII veka v istorii russkoy kul'tury. M. ; L. : Nauka, 1966.
3. *Tatishchev V.N.* Istoriya Rossiyskaya : v 3 t. M. : AST, 2003. T. I. 576 s.
4. *Rybakov S.V.* V.N. Tatishchev v zerkale russkoy istoriografii // Voprosy istorii. 2007. № 4. S. 161–167.
5. *Klyuchevskiy V.O.* I.N. Boltin // Sochineniya : v 8 t. M. : Gos. izd-vo polit. l-ry, 1959. T. VIII. S. 133–163.
6. *Boltin I.N.* Otvet general-mayora Boltina na pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossiyskoy istorii. SPb., 1789.
7. *Shanskiy D.N.* Chto dolzhno istoriku: Mikhail Mikhaylovich Shcherbatov i Ivan Nikitich Boltin // Rossiyskie istoriki XVIII–XIX vekov : v 2 ch. / sost. A.N. Kotlyarov, G.V. Mozhaeva. Tomsk, 2000. Ch. 1. S. 52–72.
8. *Boltin I.N.* Kriticheskie primechaniya general-mayora Boldina na vtoroy tom Istarii knyazya Shcherbatova. SPb., 1794.
9. *Shcherbatov M.M.* Primechanie na otvet gospodina general-mayora Boltina na pis'mo Shcherbatova. M., 1792.
10. *Shcherbatov M.M.* Pis'mo knyazya Shcherbatova, sochinitelya Rossiyskoy istorii, k odnomu ego priyatelyu v opravdanie na nekotorye sokrytiya i yavnye okhuleniya, uchinennye ego Istorii ot gospodina general-mayora Boltina, tvortsa primechaniy na Istoriyu drevniya i nyneshniya Rossii g. Leklerka. M., 1789.
11. *Valk S.N.* Izbrannye trudy po istoriografii i istochnikovedeniyu. SPb. : Nauka, 2000. 261 s.
12. *Shletser A.* Nestor. Russkie letopisi na drevneslavyanskom yazyke / per. s nem. D. Yazykova. SPb., 1809. Ch. I.
13. *Shletser A.* Obshchestvennaya i chastnaya zhizn' Avgusta Lyudviga Shletsera, im samim opisannaya. Prebyvanie i sluzhba v Rossii ot 1761 do 1765 g. Izvestiya o togdashney russkoy literature / per. s nem. V. Kenevicha // Sbornik Otdeleniya Russkogo Yazyka i Slovesnosti Imperatorskoy Akademii Nauk (ORYaS). SPb., 1875. T. 13.
14. *Karamzin N.M.* Panteon rossiyskikh avtorov. M., 1801.
15. *Milyukov P.N.* Glavnye techeniya russkoy istoricheskoy mysli. M., 1898. T. 1.
16. *Bestuzhev-Ryumin K.N.* Biografii i kharakteristiki. SPb., 1882.
17. *Tolochko A.P.* «Istoriya Rossiyskaya» Vasiliya Tatishcheva: istochniki i izvestiya. Kiev, 2005. 544 s.
18. *Solov'ev S.M.* Pisateli Russkoy Istarii XVIII veka // Arkhiv istoriko-yuridicheskikh svedeniy, otnosyashchikhsya do Rossii. M., 1885.
19. *Stefanovich P.S.* «Istoriya Rossiyskaya» V.N. Tatishcheva: spory prodolzhayutsya // Rossiyskaya istoriya. 2007. № 3. S. 88–96.
20. *Kuz'min A.G.* Tatishchev. M. : Molodaya gvardiya, 1987. 386 s.
21. *Georgieva N.G., Georgiev V.A.* «Priipasyy», iz kotorykh «pocherpat' dolzhno izvestiya»: ponyatie «istoricheskoy istochnik» v trudakh istorikov XVIII v. // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Istoriya Rossii. 2011. № 3. S. 127–140.